

ШЛИППЕНБАХ А. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ШЛИППЕНБАХ Андрей Павлович, родился в 1878 в Риге. Барон. Получил высшее образование, до революции служил земским начальником в Симбирской губ., позднее — в чине коллежского асессора. В 1900 — женат первым браком на Вере Васильевне фон Милен, дочери генерал-майора в отставке, позднее в разводе. После Октябрьской революции проживал в Москве, преподавал иностранные языки на курсах Берлиц в Москве. В 1925 — вторым браком женат на Анне Михайловне Шлиппенбах, урожд. Петрункевич. 9 июня 1927 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и в сентябре отправлен в Тобольск, давал там частные уроки английского языка; 29 июля 1928 — переведен в Обдорск.

В августе 1928 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«г<ород> Обдорск
1-го августа 1928 г<ода>».

Многоуважаемая Екатерина Павловна

Моя фамилия Шлиппенбах Андрей Павлович — бывший преподаватель на курсах Берлиц, которые помещаются в том же доме, где и Ваше учреждение. Меня могут Вам рекомендовать все преподавательницы курсов, а также Евгения Иосифовна Лебедева.

Я только что сошел с парохода, на котором меня привезли сюда в Обдорск и уже пишу Вам.

В совершенном отчаянии не за себя, конечно, а за свою жену и двухлетнего ребенка, которые остались в Тобольске без всяких средств, лишь на попечении добрых людей. Я был выслан из Москвы в прошлом году летом и привезен в Тобольск в половине сентября и выпущен на свободу. Так как в Тобольске я был выпущен без всякой с моей стороны просьбы и, получив разрешение давать частные уроки английского яз<ыка>, я выписал свою жену, и мы зиму и всю весну прожили в Тобольске спокойно и хорошо, т<ак> к<ак> я зарабатывал частными уроками достаточно, чтобы платить за квартиру и стол.

Так как мы с женой вели тихую, скромную жизнь, и многие видные даже коммунисты знали меня и ценили меня, как преподавателя, то я полагал, что меня не за что и не для чего высылать из Тобольска. Между тем с приездом нового начальника все изменилось, и не только я, но и некто Кухаркин, которому по Вашему же ходатайству разрешен был перевод из Обдорска и назначено учить в Тобольске, несмотря на распоряжение из Москвы, был арестован в один вечер со мной и выслан в Самарово.

14-го июля я отвез мою жену в больницу, и в этот же день у нее родился ребенок. Это были первые роды, не совсем благополучные, так как получился, как мне сказал доктор, ужасающий разрыв и пришлось наложить швы. Через несколько дней швы разошлись, и теперь приходится лежать лишнее время в больнице, а через несколько месяцев ей придется снова лечь в больницу, чтобы снова накладывать швы.

24-го я был в ГПУ на регистрации, и меня никто не предупредил и не сказал, что я должен ехать в Обдорск, а 29-го вечером неожиданно явился красноармеец с винтовкой и показал мне постановление о моем назначении в Обдорск и велел собираться с вещами. Таким образом, я не только не смог устроить что-либо для больной жены, но даже не имел возможности проститься с ней, т<ак> к<ак> она оставалась лежать в больнице. Уже из тюрьмы я подал заявление на имя начальника ГПУ, в

котором изложил положение жены, и просил его хотя бы отсрочить мой отъезд, пока жена не выпишется из больницы, если уж нельзя мне совсем остаться в Тобольске. Между тем мне не только не отсрочили отъезд мой, но даже имели жестокость ничего не ответить на мое заявление.

Я приехал сюда с десятью рублями, и на что я буду жить здесь, я положительно не знаю, но это меня беспокоит меньше всего. Мне 50 лет, работать физически я не могу, т<ак> к<ак> у меня больное сердце, а буду ли я иметь какой-либо заработок по своей профессии, никто сказать не может, скорее нет. Но это, повторяю, не так важно для меня. Важнее всего то, что у меня есть больная пока жена и новорожденный мальчик, судьба которых мне не безразлична, и ради которых я даже не имею права желать себе смерти, а наоборот, должен стремиться быть как можно дольше их поддержкой.

Может быть, здесь хотя бы среди ссыльных я нашел бы уроки и как-нибудь просуществовал бы, а если меня сошлют в Хе (куда все еще продолжают высылать), Муири или Кушеват, где и врачей даже нет, ну, что тогда делать, не мне, а жене с ребенком? Умирать с голоду? Ведь если бы меня в прошлом году сразу отправили сюда, то все было бы иначе. Жена моя осталась бы в Москве, где имела службу, и теперь не было бы этих страданий. Екатерина Павловна, нужно ли Вам писать о том, как мне тяжело, и что я переживаю. Вы женщина, супруга и мать, мне кажется, Вы должны это понять. Я не прошу о пересмотре дела моего, ни амнистии не добиваюсь, я прошу только прекратить терзания. Я прошу меня вернуть обратно в Тобольск к моей семье, которой без меня там не на что существовать. Я умоляю Вас помочь мне, и как можно скорее, т<ак> к<ак> навигация здесь рано кончается. Телеграфировать не имею средств. Вас же очень прошу, мне ответ прислать по телеграфу, а деньги на нее Вам не откажет дать Евг<ения> Иос<ифовна> Лебедева. Еще раз прошу поспешить с помощью, т<ак> к<ак> зимой возвращаться в Тобольск не могу за неимением средств и теплых вещей.

Так как я не знаю, где придется жить, то адрес мой пока:

Обдорск – до востребования.

Я знаю, что Вы завалены просьбами, а потому прошу простить мне причиняемое беспокойство, но больше обратиться не к кому, а потому еще раз прошу помочь мне вернуться в Тобольск.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении.

Андрей Шлиппенбах»¹.

11 августа 1928 — в дополнении к письму Андрей Павлович Шлиппенбах послал открытку Екатерине Павловне Пешковой.

«11 августа 1928.

С<ело> Кушеват.

Многоув<ажаемая> Е. П.

В доп<олнение> к моему письму из Обдорска уведомляю Вас, что я отправлен в село Кушеват, где есть телеграф.

Мой почтовый адрес: Тобольский округ, Обдорский район, село Кушеват.

С ув<ажением> А. Шлиппенбах»².

В августе 1928 — Екатерина Павловна Пешкова телеграфировала Андрею Павловичу Шлиппенбаху.

¹ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 233. С. 155-156. Автограф.

² ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 233. С. 151. Автограф.

<22 августа 1928>

«Кушеват. Шлиппенбаху Андрею.

<Согласно> Справке ОГПУ разрешение вернуться послано.
Пешкова»³.

В августе по ходатайству Помполита Андрею Шлиппенбаху было разрешено вернуться в Тобольск; зарабатывал частными уроками. В июне 1930 — освобожден с ограничением проживания на 3 года (-12), но остался в Тобольске, затем переехал в Горки (Белоруссия)⁴. 10 октября 1933 — арестован, приговорен к 5 годам ссылки и отправлен в Вологду, в октябре 1935 — переведен в поселок Устье Усть-Кубинского района, работал преподавателем немецкого языка в школе. Просил ходатайства Помполита о досрочном освобождении из ссылки⁵. В 1937 — арестован, скончался в тюрьме⁶.

³ ГАРФ. Ф. Р-9409. Оп. 1. Д. 233. С. 153. Машинопись.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 271. С. 203; Д. 384. С. 119-121; Д. 397. С. 266-269;

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1: Д. 1237. С. 260-264; Д. 1238. С. 27; Д. 1267. С. 96.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1602. С. 141-144.